

ЭНСПРЕСС —
КОММЕНТАРИЙ

ЛИТЕРАТУРА

И

ИСКУССТВО

ЖИЛИ СТАРИКИ НА СВЕТЕ

Каждая талантливая книга меняет нас. Осознаем мы это или нет — не имеет большого значения. Важно, что вообраз в себя мысли, чувства писателя, мы уже не можем думать и поступать по-старому. Именно такая переоценка читательского сознания бывает всегда после встречи с работами Б. Васильева. Его последний рассказ «Вы чье, старичье?» («Новый мир», № 5), думаю, вызвал бурю чувств и эмоций у всех, кто сумел познакомиться с этим страстным монологом в защиту старости. Рассказывая немудреную, довольно типичную историю жизни двух стариков, автор ставит перед нами ряд вопросов гражданских, психологических, эстетических, на многие из которых мы, к сожалению, не готовы ответить. Странный парадокс: с детства усвоив древнюю истину «старикам везде у нас почет», мы все-таки, воплощая ее в жизнь,

ограничиваемся лишь стандартным набором «благородных» поступков вроде молчаливого снисхождения к старческим причудам в быту или любезного предоставления им места в переполненном автобусе. Каковы же мы истинные? Что скрывается под маской нашей снисходительной улыбки, провожающей попавшихся нам в автобусе или парке стариков? Как мы будем действовать, если столкнуться нас с этой нерастойливой, подчас действительно угнетающей закатной порой человеческого существования в ситуации экстремальной? Именно такую ситуацию рассматривает Б. Васильев в своем рассказе.

Деда Глушкова, главного героя рассказа, не только в старости, но и в молодости-то нельзя было отнести к категории людей, умеющих жить. Автор называет его созерцателем, т. е. человеком, обладающим «способностью обра-

щать какую бы то ни было деятельность внутрь себя, не думая о том, над чем в данный момент трудятся его руки, не зная, куда несут ноги». А когда умерла жена и дед Глушков остался совсем один, к тому же главным средством для его существования стала пенсия размером в 20 рублей, он и подав-

но растерялся. Уехал из деревни в большой город, как завещала жена, к Зинке-снохе. Родной сын деда погиб. А жила сноха с маленьким Славиком, деда Глушкова внуком, в квартире с кухней на двоих. Мечтала она снова устроить свою жизнь, и дед стал ей большой обузой. Правда, пока она «устраивала» жизнь, подавшись на Север, дед Глушков нянчил Славика. Ну, а потом нуждаться в няньке перестали, Славика забрали, а деда просто забыли.

И стал дед Глушков умирать. И не столько от недоедания, сколько от одиночества, голода по ласке, вниманию. Все кончилось бы трагедией, не повстречай Глушков другого старика — Багорьча, не познакомься с внучкой его Валеи. Столь же неустроенные, непрактичные в жизни, они как-то сумели сохранить доброту, умение

уважать человека. Нет, Валентина совсем не идеальна. Может быть и грубой, и сумасбродной, и деспотичной. Но все это автор и читатель ей прощают, потому что не может она выискывать в жизни только то, что удобно и выгодно. Наверное, старики и для нее нелегкая ноша, но Валентина не чувствует себя обремененной ими: для нее вообще человеческая жизнь не может быть бременем. Горько бывает от сознания, что мы зачастую в реальном нашем мире эту простую истину понимать не хотим и бессознательно действуем по принципу: использовал — выбросил. Совсем не беда, что в наш быстротечный век немодную или чуть поломанную вещь мы предпочитаем выкинуть. Ведь купить новое подчас менее хлопотно, чем отремонтировать старое. Не страшно, когда сокращается срок отношений между вещами и человеком. Но очень опасно, если этот принцип начинает действовать в отношениях между людьми, когда сам человек «используется» пока «исправен». Многоликий эвизим становится социально опасной болезнью, съедающей человеческую душу. Б. Васильев, как искусный врачеватель, весьма своевременно обнажил перед нами истоки этого заболевания. Теперь нужно одно, захотеть начать «лечиться».

Т. БУСАЛОВА.